

Конкретизация правовой нормы как языковая работа: структурирующее учение о праве Фридриха Мюллера в перспективе юрислингвистики

Й. Шнайдер

*Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., д. 7–9, 199034, Санкт-Петербург, Россия. E-mail:
schneider.johann@bk.ru*

Настоящая статья вводит в русскоязычную юрислингвистику концептуальный аппарат структурирующего учения о праве (*Strukturierende Rechtslehre*) Фридриха Мюллера, разработанного в Германии начиная с 1966 г. и получившего заметную рецепцию в бразильской юридической методологии и судебной аргументации. Российская теория права традиционно рассматривает язык нормативного акта как форму выражения воли законодателя, а толкование как установление уже заключенного в тексте смысла. Структурирующее учение о праве Мюллера предлагает иную модель: правовая норма не содержится в тексте закона в готовом виде и не может быть извлечена из него посредством толкования; она производится в ходе структурированного процесса конкретизации, каждый этап которого представляет собой методологически дисциплинированную работу с языком. Статья реконструирует ключевые структурные элементы этого процесса: нормативный текст (*Normtext*), программу нормы (*Normprogramm*) и сферу нормы (*Normbereich*), показывая, каким образом они преобразуют классическую модель толкования закона в модель производства нормы. Особое внимание уделяется лингвистическому измерению теории: конкретизация описывается как последовательность текстовых уровней, правовое значение понимается не как обнаруживаемый семантический объект, а как фиксируемый в ходе юридической аргументации результат, а правовой язык выступает ареной семантических конфликтов. Для юрислингвистики как дисциплины теория Мюллера открывает возможность перехода от анализа изолированных правовых текстов к анализу текстовых операций: отбора, переформулирования, семантической стабилизации и аргументативно обоснованной фиксации значения. В заключительной части статьи многоязычное право Европейского союза рассматривается как проверочный случай, подтверждающий продуктивность подхода Мюллера. Статья призвана восполнить существенный пробел в русскоязычной литературе.

Ключевые слова: структурирующее учение о праве, Фридрих Мюллер, конкретизация, язык права, программа нормы.

Concretization of Legal Norms as Linguistic Work: Friedrich Müller's Structuring Theory of Law from the Perspective of Legal Linguistics

J. Schneider

*Saint Petersburg State University
7-9 Universitetskaya Emb., 199034, Saint Petersburg, Russia. E-mail: schneider.johann@bk.ru*

This article introduces the conceptual apparatus of Friedrich Müller's Structuring Legal Theory (*Strukturierende Rechtslehre*), developed in Germany since 1966 and widely received in Brazilian legal methodology, into Russian-language legal linguistics. Russian legal theory traditionally treats the language of a normative act as the form of expressing the legislator's will, and interpretation as the ascertainment of a meaning already contained in the text. Müller's Structuring Theory of Law proposes a different model: the legal norm is not contained in the statutory text in a ready-made form and cannot be extracted through interpretation; it is produced in a structured process of concretization, every stage of which constitutes methodologically disciplined work with language. The article reconstructs the key structural elements of this process: normative text (*Normtext*), norm programme (*Normprogramm*), and norm area (*Normbereich*), showing how they transform the classical model of statutory interpretation into a model of norm-production. Particular attention is given to the linguistic dimension:

concretization is described as a sequence of text levels, legal meaning is understood not as a discoverable semantic object but as a result fixed through legal argumentation, and legal language is presented as an arena for semantic conflicts. For legal linguistics as a discipline, Müller's theory opens a transition from the analysis of isolated legal texts to the analysis of textual operations: selection, reformulation, semantic stabilization, and argumentatively justified fixation of meaning. The concluding part examines European Union multilingual law as a test case confirming the productivity of Müller's approach.

Key words: Structuring Theory of Law, Friedrich Müller, concretization, language of law, norm program.

Введение

Проблема соотношения языка и права занимает одно из центральных мест в современной юрислингвистике. Исследования в этой области, как правило, исходят из того, что право выражается в текстах, прежде всего в текстах законов, и ставят вопрос о том, каким образом язык нормативного акта определяет, ограничивает или, напротив, не определяет правовые последствия в конкретном случае [Власенко 2018: 13–15]. Англоязычная литература по праву и языку обычно анализирует законодательный текст как языковой объект, стремящийся к максимальной ясности и точности, хотя именно это стремление нередко порождает непрозрачность для неспециалистов [Hiltunen 2012: 39–40]. В центре дискуссии при этом оказываются вопросы неопределенности, открытой текстуры, многозначности и пределов, в которых юридический язык способен предопределить правильное решение конкретного дела [Bix 1993: 1–6].

Структурирующее учение о праве (Strukturierende Rechtslehre) Фридриха Мюллера подходит к этой проблематике с принципиально иной стороны. Оно не задается в первую очередь вопросом о том, достаточно ли определен язык закона. Оно спрашивает, каким образом обязывающая правовая нормативность фактически производится, когда конкретный спор подлежит разрешению в условиях законности, демократии и конечности языковых средств [Müller 1994: 147–163]. Теория Мюллера разрабатывается с 1966 г., когда вышла монография «Normstruktur und Normativität» [Müller 1966], и к настоящему времени представляет собой обширный корпус текстов, включающий одиннадцатое издание «Juristische Methodik» [Müller, Christensen 2013] и программный труд «Syntagma» [Müller 2012]. В Бразилии, где Мюллер с 2003 по 2007 г. выступал консультантом федерального правительства, его теория получила заметную рецепцию в юридической методологии и судебной аргументации [Stamile, Castilho Gomes, Almanza Torres 2021: 7–8].

В русскоязычной научной литературе структурирующее учение о праве практически не представлено [Мюллер 2025: 99]. Этот пробел не является случайным: он отражает определенные черты отечественной традиции. В российской теории права язык нормативного акта понимается преимущественно как средство выражения воли законодателя, а толкование рассматривается как деятельность по уяснению смысла, уже заключенного в тексте [Черданцев 2003: 55–62]. Язык закона изучается главным образом с точки зрения требований юридической техники: точности, ясности, однозначности терминологии и стилистической нормативности [Власенко 2018: 13–22]. При этом предполагается, что правовая норма в основном содержится в нормативном акте и может быть выявлена путем применения канонических способов толкования [Алексеев 2008: 164–170]. Структурирующее учение о праве Мюллера оспаривает именно эту предпосылку и тем самым ставит перед юрислингвистикой вопрос, который в рамках указанного подхода не может быть поставлен: каким образом правовая нормативность производится через языковую работу, а не извлекается из готового текста.

Цель настоящей статьи состоит в реконструкции ключевых структурных элементов этого процесса и в обосновании того, что структурирующее учение о праве может быть прочитано именно как юрислингвистическая теория конкретизации. В методологическом отношении статья осуществляет реконструктивный анализ: она систематизирует понятийный аппарат Мюллера и показывает, каким образом его элементы преобразуют предмет юрислингвистического исследования. Для юрислингвистики это означает переход от анализа изолированных правовых текстов к анализу текстовых операций: отбора релевантных языковых данных, их переработки в программу нормы, семантической стабилизации в ходе аргументации, текстовой артикуляции юридически значимой реальности и фиксации значения для конкретного дела. При этом под производством нормы понимается не произвольное создание решения судьей, а методологически дисциплинированная конкретизация под текстовыми, институциональными и аргументативными ограничениями.

1. Нормативный текст и правовая норма: исходное различие

Отправной точкой структурирующего учения является разграничение нормативного текста (*Normtext*) и правовой нормы (*Rechtsnorm*). Это разграничение не является тривиальным указанием на то, что закон надо толковать. Оно означает, что до начала конкретизации правовая норма в полном методологическом смысле не существует как решение конкретного дела. Существует только официально установленный нормативный текст, представляющий собой формально-действительную точку отправления юридической работы [Müller, Christensen 2013: 250–270]. Это утверждение касается методологически полной нормы, релевантной для разрешения конкретного спора; оно не отрицает ни формальной действительности законодательного текста, ни существования правовой системы до начала конкретного правоприменения.

Мюллер настаивает на том, что нормативный текст не является ни фрагментом правовой нормы, ни одной из ее концептуальных частей. Нет методологического смысла описывать расплывчатые законодательные формулировки как «неполные нормы». То, что существует до конкретизации, есть только формулировка, вместе с обязанностью юриста принять ее за авторитетную отправную точку процесса [Müller, Christensen, Sokolowski 1997: 20–24]. В «Syntagma» Мюллер характеризует нормативный текст как часть текстовой структуры конституционного

государства: он не парит в абстрактной изоляции, а находится в систематических связях с другими текстами и во взаимодействии с конкретной работой над делом [Müller 2012: 117–124].

Это имеет прямое лингвистическое следствие. Поскольку нормативный текст еще не является правовой нормой, его значение не может рассматриваться как готовый объект, ожидающий извлечения. Мюллер формулирует эту мысль в одном из программных фрагментов «Syntagma»: значения невозможно просто установить, их необходимо зафиксировать, потому что в юридической работе значение, релевантное для данного дела, должно быть решено, а не обнаружено путем обращения к словарям или комментариям [Müller 2012: 131–135]. Нормативный текст, таким образом, является местом конкурирующих смысловых гипотез, а не хранилищем готовых нормативных решений.

Вместе с тем нормативный текст не является семантически пустым. Мюллер прямо отвергает представление о нем как о бессмысленной цепочке знаков. После того как текст определен как релевантный, он обладает тем, что Мюллер называет *Bedeutsamkeit*, то есть значимостью, соответствующей на лингвистическом уровне юридической действительности текста. Юрист официально обязан включить его в аргументативную разработку правовой нормы [Müller, Christensen, Sokolowski 1997: 26–30]. Различие, таким образом, проходит не между осмысленным и бессмысленным текстом, а между значимостью текста как действительного входного данного и нормативностью результата, произведенного из него.

Помимо того нормативный текст выполняет ограничительную функцию. Мюллер говорит о приоритете языковых данных всякий раз, когда речь идет о допустимости результатов конкретизации: текст не диктует положительное содержание результата так, как это воображается в традиционных теориях, но продолжает структурировать горизонт, внутри которого допустимая конкретизация может состояться [Müller, Christensen 2013: 278–289]. Нормативный текст, таким образом, обладает одновременно сигнальным и пограничным эффектом: он приводит юридическую работу в движение и не позволяет ей раствориться в неограниченном обращении к внетекстовым соображениям.

Для юрислингвистики это разграничение имеет фундаментальное значение. В российской теории права язык нормативного акта обычно рассматривается как форма, в которой воля законодателя находит свое выражение [Власенко 2018: 18–22]. Мюллер переосмысливает этот тезис: нормативный текст есть не оболочка уже существующей нормы, а предварительная запись (*Vor-Schrift*), стоящая перед той стадией, на которой текст правовой нормы еще только может быть написан [Müller, Christensen, Sokolowski 1997: 22]. Законодатель производит не правовые нормы в полном методологическом смысле, а текстовые формулы для норм, которые будут произведены впоследствии.

2. Программа нормы как результат работы с языковыми данными

Второй структурный элемент конкретизации представляет собой программу нормы (*Normprogramm*). Если нормативный текст является действительным входным данным, то программа нормы есть первый крупный результат юридической работы с языковыми данными. Мюллер и Кристенсен определяют ее как продукт интерпретации всех релевантных языковых данных и как мерило, в соответствии с которым в дальнейшем отбираются данные реальности для включения в процесс конкретизации [Müller, Christensen 2013: 248–250].

Программу нормы не следует сводить к лексическому значению слов закона. Она шире и операциональнее. Она возникает из совокупной переработки первичных языковых данных: формулировки релевантного положения, систематически связанных норм, материалов разработки закона, доктринальных текстов и других юридически допустимых языковых элементов. В этом смысле программа нормы является уже переработанным текстом, вторичным текстовым образованием, сформированным в столкновении с конкретным делом [Müller, Christensen 2013: 252–256].

Функция программы нормы двойственна. Положительно она отбирает: из совокупности обстоятельств, потенциально затрагиваемых нормативным положением, она выделяет те аспекты, которые релевантны для решения, и устанавливает критерии юридически обязывающей релевантности. Отрицательно она ограничивает: определяет, за пределы каких содержаний последующее формирование сферы нормы выходить не вправе [Müller, Christensen 2013: 260–268]. Именно этим объясняется, почему программа нормы не является ни чисто определенным предписанием, ни простым признанием неопределенности: она задает структурированное поле методологических возможностей.

Мюллер замечает в «Syntagma», что так называемый буквальный предел толкования является фантомом, если понимать его так, будто слова естественного языка несут на спине пограничные столбы. Действительным критерием оправданности решения выступает программа нормы, поскольку она уже представляет собой синтезированный результат юридически релевантной языковой работы, проведенной в свете дела [Müller 2012: 148–153]. Это одно из решающих достижений теории: предел правового решения перемещается от воображаемой семантической сущности слов к методологически выработанному лингвистическому конструкту.

Для отечественной дискуссии о толковании права этот элемент теории представляет особый интерес. Если в классическом подходе значение нормы рассматривается как нечто, что может быть установлено средствами грамматического, логического, систематического и исторического толкования [Черданцев 2003: 103–128], то в структурирующем учении о праве результат этих операций не обнаруживает готовую норму, а производит программу нормы как мерило дальнейшей работы с реальностью. Толкование, таким образом, оказывается не самодостаточным описанием правового решения, а лишь одним компонентом конкретизации.

3. Сфера нормы: реальность как составной элемент нормы

Третий ключевой структурный элемент касается стороны реальности в процессе конкретизации. Здесь терминология теории приобретает особую важность, поскольку она заменяет недифференцированное обращение к «фактам» последовательностью всё более избирательных областей: от предметной сферы (*Sachbereich*) к казуальной

сфере (*Fallbereich*) и затем к сфере нормы (*Normbereich*) [Müller, Christensen 2013: 269–278].

Предметная сфера обозначает общее поле данных реальности, вызываемое предположительно релевантными текстами норм. Казуальная сфера представляет собой дальнейшее сужение этого поля до тех фактов, которые играют роль именно в конкретном деле. «Syntagma» описывает это как переход от общей познавательной рамки данных реальности к познавательной рамке, необходимой для конкретного дела [Müller 2012: 136–142].

Сфера нормы отбирается из предметной сферы или казуальной сферы в соответствии с мерилем программы нормы. Она представляет собой ту совокупность данных реальности, которые остаются релевантными и совместимыми после проведения языковой работы программы нормы. Мюллер и Кристенсен определяют ее как подмножество фактов, которые вправе стать частью основания решения и тем самым со-определяют его результат [Müller, Christensen 2013: 272–276]. «Syntagma» формулирует ту же мысль еще резче: сфера нормы является «со-нормативной» (*ko-normativ*), поскольку она материально со-обосновывает правовую норму [Müller 2012: 139].

Это понятие представляет собой главный антидуалистический ход теории. Вместо того чтобы противопоставлять право и реальность как два внешних друг другу блока, структурирующее учение о праве интернализирует реальность в саму структуру правовой нормы. Сфера нормы есть не внешняя фактуальность, позднее подводимая под готовую норму; она является одним из конститутивных компонентов, через которые правовая норма производится. В «Тезисах о структуре правовых норм» 1970 г. Мюллер настаивает на том, что не только веление «должного», но и реальная структура соответствующего сегмента социальной действительности участвует в решении дела [Müller 1970: 508–509].

Вместе с тем сфера нормы не тождественна социальной фактичности как таковой. Факты могут принадлежать к более широкому социальному полю нормативного положения и тем не менее не выдержать проверки по мерилу программы нормы. Сфера нормы есть юридически фильтрованная реальность, а не эмпирическая тотальность. Соотношение между программой нормы и сферой нормы асимметрично: для позитивного определения правовой нормы элементы сферы нормы стоят на одном уровне с элементами текстовой интерпретации, но для разграничения допустимых результатов элементы, наиболее непосредственно связанные с нормативным текстом, прежде всего грамматическое и систематическое толкование, имеют приоритет [Müller, Christensen 2013: 282–289]. Этот приоритет является решающим для правового государства: данные реальности интегрируются, но в рамках иерархии, остающейся чувствительной к нормативному тексту.

Из взаимодействия программы нормы и сферы нормы возникает правовая норма (*Rechtsnorm*) как первый подлинно нормативный результат конкретизации, определяемый Мюллером как абстрактно-обобщенное промежуточное высказывание, сформулированное после столкновения с конкретным делом и имеющее форму «в деле, подобном данному, действует следующее» [Müller, Christensen 2013: 290–294]. Последним же структурным элементом является директивная норма (*Entscheidungsnorm*) как обязывающее определение индивидуального дела [Müller, Christensen 2013: 295–298].

4. Конкретизация как последовательность текстовых уровней

Реконструкция структурных элементов позволяет увидеть лингвистический характер теории Мюллера с той степенью точности, которая далеко выходит за рамки банального наблюдения о том, что «право использует язык». Мюллер и Кристенсен прямо описывают этапы юридической работы как пять текстовых уровней: нормативный текст, программа нормы, сфера нормы в ее вторичной языковой формулировке, правовая норма и директивная норма [Müller, Christensen 2013: 235–240]. Юридическая работа не начинается с «чистых фактов», чтобы затем перейти к языку, и не начинается с «чистого языка», чтобы позднее встретиться с реальностью. Она разворачивается через последовательные текстуализации, включая текстовую артикуляцию юридически релевантной реальности.

Именно эта характеристика сближает теорию Мюллера с центральными проблемами юрислингвистики как научного направления. Ф. Фогель, определяя юрислингвистику (*Rechtslinguistik*) как самостоятельную дисциплину, указывает на то, что она исследует конституирующую роль языка в праве, а не просто описывает лексические или синтаксические особенности юридических текстов [Vogel 2017: 215–220]. Структурирующее учение о праве предлагает именно такую перспективу: язык не является внешней оболочкой права, а представляет собой среду, в которой нормативность производится, ограничивается и делается подотчетной.

Этот взгляд позволяет переосмыслить и роль юридической аргументации. Поскольку не существует никакой *lex ante casum*, то есть нормы, готовой до рассмотрения дела, и никакого объективного семантического моста, автоматически соединяющего закон и судебное решение, правовое государство обеспечивается публично контролируемым обоснованием каждого этапа конкретизации. Методологические работы Мюллера перемещают фокус от воображаемой определенности правовых понятий к прозрачности, прослеживаемости и методологической честности юридической работы [Müller 1994: 263–280].

5. Фиксация значения и семантические конфликты в праве

Лингвистическое измерение структурирующего учения проявляется с особой отчетливостью в его трактовке правового значения. Как было показано в связи с анализом нормативного текста, значения в юридической работе не обнаруживаются, а фиксируются для конкретного дела под обязанностью обоснования [Müller 2012: 131–135]. Этот тезис имеет более широкие последствия, чем может показаться. Мюллер настаивает на том, что словари сами являются интерпретациями и не могут служить основанием юридического обоснования: если бы значение слова закона было семантически устойчивым объектом, обращение к авторитетному словарю разрешало бы правовой спор, чего в действительности не происходит.

Правовой язык, таким образом, рассматривается как место конфликта. Нормативный текст является полем конкурирующих интерпретаций, а правовое решение есть юридически дисциплинированное вмешательство в этот конфликт. Мюллер и Кристенсен описывают это в программных терминах как семантические битвы (*Semantikkämpfe*) в языковой игре права и как работу юриста по семантизации, осуществляемую в условиях законности [Müller, Christensen 2013: 168–175].

Эта характеристика имеет прямое отношение к дискуссиям о неопределенности правового языка. Биксу принадлежит точная формулировка юриспруденциального фона проблемы: язык является средой, через которую действует право, и вопрос состоит в том, каким образом право и язык взаимодействуют при установлении правовой определенности [Bix 1993: 1–3]. Ответ Мюллера заключается в том, что определенность не является в первую очередь свойством юридических слов. Она есть структурированный и обоснованный результат конкретизации. Правовой язык значим, но он значим как институциональная среда производства нормы, а не как самодостаточное хранилище готовых ответов.

Для юрислингвистики эта позиция означает, что предметом анализа является не отдельный текст в его лексическом или синтаксическом измерении, а структурированная юридическая работа, посредством которой действительная формулировка закона превращается в обоснованную норму для конкретного дела. Центральной проблемой при этом оказывается не вопрос о том, является ли тот или иной термин неопределенным, а вопрос о том, каким образом юридически приемлемая норма может быть произведена из текста и реальности в условиях неизбежного семантического плюрализма. Как подчеркивают редакторы крупнейшего справочника по языку и праву, юридическая работа есть всегда также языковая работа, и сама возможность понимания правовых отношений, заявления прав и получения правовой защиты зависит от доступа к лингвистически опосредованному правовому знанию [Felder, Vogel 2017: IX–XII].

6. Многоязычное право ЕС как проверочный случай

Многоязычное право Европейского союза представляет для структурирующего учения не просто иллюстративный пример, а методологически привилегированный проверочный случай. В одноязычном праве репрезентационная модель, предполагающая единое скрытое значение за текстом, может казаться самоочевидной: текст один, и иллюзия единственного «правильного» толкования поддерживается этой монолингвальностью. Когда же несколько равно аутентичных языковых версий сосуществуют в качестве нормативных текстов, репрезентационная модель утрачивает свою кажущуюся естественность, и вопрос о производстве нормы через конкретизацию становится неизбежным. Именно поэтому многоязычное право ЕС является не периферийным добавлением к аргументу, а полем, в котором центральный тезис структурирующего учения проходит наиболее строгую проверку.

В условиях европейского многоязычного права одно из базовых прозрений структурирующего учения становится особенно наглядным: правовая норма не может быть помыслена как долингвистическое значение, стоящее за текстом и ожидающее своего обнаружения путем интерпретации. Мюллер и Кристенсен показывают, что унаследованная репрезентационная модель по-прежнему представляет нормативный текст как внешнюю оболочку уже существующей мысли, ценности или намерения [Müller, Christensen 2007: 40–47]. Их критика направлена именно против этого образа: дело не в том, что норма лежит «за» текстом в каком-то более богатом семантическом пространстве, а в том, что юридическая работа должна производить нормативность из текстов и с помощью текстов в рамках методических ограничений.

Многоязычная ситуация делает это видимым в особенно острой форме: когда несколько равно аутентичных языковых версий сосуществуют, фикция одного скрытого значения за одной текстовой поверхностью становится значительно труднее поддерживаемой. Мюллер отвергает мысль о том, что конфликты значений между языковыми версиями могут быть разрешены посредством поиска «общего минимума» всех формулировок [Müller, Christensen 2007: 260–265]. Там, где официальные версии расходятся, метод общего знаменателя не решает проблему; решение должно быть достигнуто через дальнейшие элементы конкретизации, прежде всего телеологические и систематические. Одновременно Мюллер и Кристенсен настаивают на том, что формулировка остается релевантной и не является лишь одноразовой отправной точкой, поскольку даже в юрисдикции Суда ЕС грамматический аргумент появляется не только в начале, но и в конце обосновательного процесса [Müller, Christensen 2007: 268–275].

Как замечает Фогель, многоязычие заставляет суд покинуть кажущуюся самоочевидность «собственного» языка и переместиться в неопределенное пространство между языками; это является не только бременем, но и методологическим выигрышем, поскольку множественность языковых формулировок расширяет материал, подлежащий учету, и тем самым может сделать судебное обоснование более устойчивым [Vogel 2017: 230–235]. С точки зрения структурирующего учения многоязычие, таким образом, не есть аномалия, внешняя по отношению к теории; оно представляет собой особенно показательный случай его центрального тезиса: правовая нормативность возникает только посредством дисциплинированной практики конкретизации, осуществляемой в языке и через язык.

Заключение

Структурирующее учение о праве не должно восприниматься ни как расплывчатая антипозитивистская ориентация, ни как обобщенная герменевтика правового понимания. Его решающий вклад состоит в реконструкции структурных элементов, посредством которых правовая нормативность производится. Нормативный текст выступает действительным входным данным и текстовой предварительной формой позднейшей нормативности. Программа нормы есть проработанное языковое мерило релевантности и допустимости. Сфера нормы представляет собой отобранный в соответствии с программой сегмент социальной реальности, который со-обосновывает норму. Правовая норма есть первый подлинно нормативный результат этого взаимодействия, директивная норма –

окончательное индивидуальное определение дела. То, что классическая теория компрессирует в единое понятие толкования, здесь разворачивается в дифференцированную последовательность юридически значимых операций, каждая из которых подотчетна за ошибки, совершенные в рамках ее собственной области.

Для юрислингвистики рецепция структурирующего учения открывает конкретные исследовательские перспективы. Во-первых, аппарат Мюллера позволяет анализировать судебную аргументацию не как толкование готовой нормы, а как последовательность текстовых операций, каждая из которых может быть прослежена и оценена; это применимо, в частности, к исследованию мотивировочных частей судебных решений как объектов юрислингвистического анализа. Во-вторых, различие между языковой значимостью текста закона и нормативностью результата юридической работы открывает перспективу для исследований законодательной техники и правового редактирования: качество нормативного текста может оцениваться не по иллюзорному критерию «полного выражения нормы», а по тому, насколько он обеспечивает продуктивную конкретизацию. В-третьих, перспектива многоязычного права показывает, каким образом юрислингвистика и юридическая методология могут взаимно обогащать друг друга в условиях семантического плюрализма, что актуально и для сравнительного анализа правовой терминологии, и для лингвистической экспертизы в рамках интеграционных объединений, в которых участвует Россия.

Литература

- Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2. М., 2008.
- Власенко Н. А. Язык права. М., 2018.
- Мюллер Ф. Тезисы о структуре правовых норм / Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2025. – № 3. – С. 99–109.
- Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М., 2003.
- Bix B. Law, Language, and Legal Determinacy. Oxford, 1993.
- Felder E., Vogel F. Einleitung / Handbuch Sprache im Recht. Berlin/Boston, 2017. S. IX–XIX.
- Hiltunen R. The grammar and structure of legal texts / The Oxford Handbook of Language and Law. Oxford, 2012. P. 39–52.
- Müller F. Normstruktur und Normativität. Berlin, 1966.
- Müller F. Thesen zur Struktur von Rechtsnormen / Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. – 1970. – Bd. 56, Nr. 4. – S. 493–509.
- Müller F. Strukturierende Rechtslehre. 2. Aufl. Berlin, 1994.
- Müller F. Syntagma. Berlin, 2012.
- Müller F., Christensen R. Juristische Methodik. Bd. I. 11. Aufl. Berlin, 2013.
- Müller F., Christensen R. Juristische Methodik. Bd. II: Europarecht. 2. Aufl. Berlin, 2007.
- Müller F., Christensen R., Sokolowski M. Rechtstext und Textarbeit. Berlin, 1997.
- Stamile N., Castilho Gomes N., Almanza Torres D. (eds.). Friedrich Müller's Theory of Law. Stuttgart, 2021.
- Vogel F. Rechtslinguistik: Bestimmung einer Fachrichtung / Handbuch Sprache im Recht. Berlin/Boston, 2017. S. 209–248.

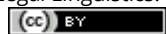
References

- Alekseev, S. S. (2008). General theory of law. In 2 vols. Vol. 2. Moscow (in Russian).
- Bix, B. (1993). Law, Language, and Legal Determinacy. Oxford.
- Cherdantsev, A. F. (2003). Interpretation of law and contract. Moscow (in Russian).
- Felder, E., Vogel, F. (2017). Einleitung. In Handbuch Sprache im Recht. Berlin/Boston, pp. IX–XIX (in German).
- Hiltunen, R. (2012). The grammar and structure of legal texts. In The Oxford Handbook of Language and Law. Oxford, pp. 39–52.
- Müller, F. (1966). Normstruktur und Normativität. Berlin (in German).
- Müller, F. (1970). Thesen zur Struktur von Rechtsnormen. Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie, 56(4), 493–509 (in German).
- Müller, F. (1994). Strukturierende Rechtslehre. 2. Aufl. Berlin (in German).
- Müller, F. (2012). Syntagma. Berlin (in German).
- Müller, F. (2025). Theses on the structure of legal norms. Theoretical and Applied Jurisprudence, 3, 99–109 (in Russian).
- Müller, F., Christensen, R. (2007). Juristische Methodik. Bd. II: Europarecht. 2. Aufl. Berlin (in German).
- Müller, F., Christensen, R. (2013). Juristische Methodik. Bd. I. 11. Aufl. Berlin (in German).
- Müller, F., Christensen, R., Sokolowski, M. (1997). Rechtstext und Textarbeit. Berlin (in German).
- Stamile, N., Castilho Gomes, N., Almanza Torres, D. (eds.) (2021). Friedrich Müller's Theory of Law. Stuttgart.
- Vlasenko, N. A. (2018). Language of law. Moscow (in Russian).
- Vogel, F. (2017). Rechtslinguistik: Bestimmung einer Fachrichtung. In Handbuch Sprache im Recht. Berlin/Boston, pp. 209–248 (in German).

Citation:

Шнайдер Й. Конкретизация правовой нормы как языковая работа: Структурирующее учение о праве Фридриха Мюллера в перспективе юрислингвистики // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 77-83.

Schneider J. (2026) Concretization of Legal Norms as Linguistic Work: Friedrich Müller's Structuring Theory of Law from the Perspective of Legal Linguistics. *Legal Linguistics*, 41, 77-83.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License